

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.16>

Софронова Ирина Владимировна

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ В. АХУНА

Статья посвящена анализу сочетания традиций восточной и чувашской словесности в творчестве В. Ахуна. Предметом исследования стали лирические и лиро-эпические произведения поэта. Многие стихотворения представляют собой творческое воспроизведение жанров и мотивов чувашской устной словесности. Установлено, что поэт строит повествование от первого лица, его лирический герой обращается к древним чувашским богам, пересказывает историю народа в настоящем времени. В стихотворениях задействованы мифологические образы волка-тотема, Бога Пихампара, Ашпатмана и др. Воспроизведение традиций восточной литературы, словесности проявляется в творчестве В. Ахуна в использовании жанров, образов и мотивов чувашского фольклора, которые являются общетюркскими.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 77-81. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

сознания в тексте. Жанровые особенности поэтической драмы в полной мере позволяют поэту-драматургу свободно выражать философские воззрения о предназначении человека, о любви как источнике жизни. Взаимодействие стиха и драмы является отличительным, индивидуально-авторским стилем И. Гоголева, вследствие чего большая часть драматургии писателя представляет собой своеобразный эксперимент по созданию поэтической драмы, и художественную ценность его дарования представляют именно синкретичные тексты.

Список источников

1. **Акимов Т. И.** Драматургия Н. С. Гумилева в контексте культуры Серебряного века: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2003. 180 с.
2. **Алперс Б. В.** Театральные очерки: в 2-х т. М.: Искусство, 1977. Т. 1. Театральные монографии. 567 с.
3. **Аникст А. А.** Шекспир. Ремесло драматурга. М.: Советский писатель, 1974. 607 с.
4. **Власова Т. О.** Поэтика стихотворной драмы Серебряного века: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 209 с.
5. **Гоголев И. М.** Айымньылар: в 5-ти т. / хомуйан онордо М. Ушницкая. Дьокуускай: Бичик, 2015. Т. 5. Драмалар. 224 с.
6. **Дьячковская М. Н.** Избранные работы: вопросы якутского стихосложения. Якутск: ИГиПИМНС СО РАН, 2015. 262 с.
7. **Дьячковская М. Н., Васильева Д. Е., Максимова П. В., Мыреева А. Н., Ноева С. Е., Сергеева М. И., Тобуроков Н. Н., Яковлева В. Д.** Проблемы творчества И. М. Гоголева: проза, поэзия, драматургия: коллективная монография. Якутск: ИГи АН РС (Я), 2004. 192 с.
8. **Ефремова Е. М.** «Письмена на бивне мамонта» И. Гоголева как субъектно-архитектоническая целостность // Казанская наука. 2019. № 5. С. 14-17.
9. **Журчева О. В.** Автор в драме: формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. 418 с.
10. **Золотницкий Д. И.** Театр поэта // Гумилев Н. С. Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л.: Искусство, 1990. С. 3-38.
11. **Карманова С. Е.** Поэтика времени и пространства в романах И. М. Гоголева. Новосибирск: Наука, 2009. 119 с.
12. **Кириллина М. А.** Стиховое начало в драме в стихах И. М. Гоголева «Долина Кюёраяи» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 29-32.

VERSE AND DRAMATURGIC ELEMENT IN I. M. GOGOLEV'S DRAMA "THE SACRED LAND"

Kirillina Mariya Afanas'evna, Ph. D. in Philology
*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
makirillina@mail.ru*

Within the framework of the "poet's drama" problem, the paper identifies the peculiarities of verse and dramaturgic elements in I. M. Gogolev's drama "The Sacred Land". Conditionally poetic interpretation of a historical subject determines style and genre peculiarities of the text, which combines the elements of different styles and genres. I. M. Gogolev's drama "The Sacred Land" is considered as a marginal text combining verse and dramaturgic elements and representing the romantic conception of the poet's world perception and formal features of a verse. The text analysis indicates the dominance of the lyrical element: figurativeness and metaphoricity of the style, conditionality and generality of images and, as a result, the slow story development, personages' statuary essence and inner statics.

Key words and phrases: literary bilingualism; Yakut dramaturgy; "poet's drama"; verse drama; conditionality and metaphorization; free verse; folkloric vers libre; I. Gogolev.

УДК 82-1/29

Дата поступления рукописи: 30.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.16>

Статья посвящена анализу сочетания традиций восточной и чувашской словесности в творчестве В. Ахуна. Предметом исследования стали лирические и лиро-эпические произведения поэта. Многие стихотворения представляют собой творческое воспроизведение жанров и мотивов чувашской устной словесности. Установлено, что поэт строит повествование от первого лица, его лирический герой обращается к древним чувашским богам, пересказывает историю народа в настоящем времени. В стихотворениях задействованы мифологические образы волка-тотема, Бога Пихампара, Ашапатмана и др. Воспроизведение традиций восточной литературы, словесности проявляется в творчестве В. Ахуна в использовании жанров, образов и мотивов чувашского фольклора, которые являются общетюркскими.

Ключевые слова и фразы: синтез; повествование; образ; обряд; фольклор; лиро-эпика; В. Ахун; молитвословие; влияние; лирика.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
tixtar2@uandex.ru*

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ В. АХУНА

Традиции восточной литературы проникают в творчество чувашских поэтов и писателей благодаря их переводческой деятельности, специальному к ним интересу, благотворному влиянию опыта старших авторов,

а также через образцы устного народного творчества. Авторы, являющиеся представителями низовых, средненизовых чувашей и диаспоры, более склонны к использованию восточных традиций в своем творчестве. «Возможно, в этом проявляется работа подсознательного, а также то, что в памяти представителей этих территорий или же в фольклорных текстах лучше сохранена информация об исторической судьбе народа. Подтверждением тому являются произведения П. Хузангая, В. Ахуна, М. Сениэля, В. Энтипа, Н. Исмукова и др. Не случайны и их путешествия в восточные страны, интерес к литературам восточных народов, дружеские отношения с тем или иным восточным автором, владение татарским языком» [7, с. 366]. Таким образом, **актуальность** нашего исследования определяется необходимостью изучения восточных традиций в чувашской литературе на материале творчества одного из выдающихся ее представителей.

В. Ахун – чувашский поэт, имя которого пришло в чувашскую литературу в 60-х гг. XX века. До сих пор литературоведы и критики характеризуют его наследие как «одного из авторов-традиционалистов, приверженцев реалистического направления в литературе» [5, с. 363]. В научной статье нами впервые его творчество анализируется с **целью** выявления наличия традиций восточной словесности. Согласно цели работы мы постарались решить следующие **задачи**: выявить источники и характер заимствования литературных традиций, которые использует поэт; прослежена их адаптация; раскрыты причины, согласно которым автор обращается к воспроизведению особенностей мусульманской литературы и индоиранской словесности. Использование биографического, сравнительно-сопоставительного, а также метода целостного анализа литературного произведения позволили выявить характер и причины заимствования восточных традиций. Считаем, результаты исследования окажутся востребованными при написании истории развития чувашской поэзии, а также будут иметь практическую значимость при создании работ по сравнительно-сопоставительному литературоведению.

В художественном творчестве В. Ахун активно использует знание особенностей фольклорного материала родного края. Выросший в Татарской Республике среди некрещеных чувашей, он с детства впитал своеобразие словесного искусства этого края, а позже стремился через поэзию донести до читателей это богатство, приоткрыть тайны далекого прошлого своего этноса. Нередко используемые поэтом жанры и мотивы являются отголоском древнетюркской литературы, напоминают традиции древней индоиранской словесности. Эти традиции первоначально проникли в чувашский фольклор в далеком историческом прошлом. Они используются поэтом в художественных произведениях, так как он хорошо знал фольклорный материал, владел навыками певца-импровизатора.

В начале своего творческого пути В. Ахун собирал произведения фольклора, участвовал в выпусках сводов образцов чувашского фольклора. Он поэтически дорабатывал записанные песни, легенды чувашской диаспоры и печатал их в литературных журналах. Фольклорные традиции становятся неотъемлемой частью поэзии В. Ахуна. «В своем творчестве он использует народные сюжеты, поэтические обороты, формы стихосложения, древнюю словесность, имена древних чувашских богов и богатырей, описывает обычаи, в стихосложении применяет особенности поэтики обрядовых жанров» [12, с. 113].

Воссоздание истории народа – вот основное направление творчества В. Ахуна. Об историзме в поэзии В. Ахуна литературный критик А. П. Хузангай пишет следующее: «Вся поэзия В. Ахуна может быть кратко определена как поиск своей родословной. Причем корни он свои находит в легенде, предании, нежиле в реальном времени» [10, с. 145]. Поэт тянется к родовым корням, он уходит туда, вглубь прошедших веков, чтобы воскресить события минувшего, еще раз окинуть взглядом долгий исторический путь народа. Можно сказать, что поэт примыкает к своеобразному направлению «мифотворчества», т.е. он пытается реконструировать чувашскую историю в своих стихах.

Использование восточных традиций в творчестве В. Ахуна проявляется в изображении путешествия по восточным странам, использовании образов и мотивов мусульманской классики; описание борьбы чувашских богатырей с врагом близко традициям древнетюркской литературы, воспроизводимые жанры молитвословий напоминают особенности древней словесности индоиранских народов. Отголоски традиций древнетюркской, индоиранской словесности сохранились в чувашских фольклорных текстах, а с особенностями мусульманской литературы поэт мог ознакомиться через татарскую литературу, во время путешествий по среднеазиатским странам и изучив наследие восточных классиков.

«Поиск корней» В. Ахуна проявляется и в других видах деятельности. «Поэт в 1992 году участвует в праздновании юбилея классика азербайджанской литературы Низами. Посещает зороастрийские храмы в Иране, переводит газели Рудаки, образцы турецкого фольклора и поэзии. В текстах древнекитайской литературы и легендах европейских народов прослеживает историческую судьбу древних тюрков» [8, с. 105].

Свои переживания и впечатления от посещения праздника Низами поэт передает в цикле «Чинарәм пултәр тетеп тусләха» («Пусть чинар служит дружбе»). Стихотворения этого цикла полны экзотики Средней Азии. Поэт описывает обычаи и природу Азербайджана, его историю; рассуждает о дружбе между двумя народами. Подобно С. Есенину и П. Хузангаю, лирический герой В. Ахуна на мгновение влюблен в среднеазиатскую красавицу.

Цикл «Пусть чинар служит дружбе» имеет хронологическую композицию. В ней изображается приезд лирического героя в Среднюю Азию, его участие в празднике, прощание с Азербайджаном и отъезд на родину. Сквозной линией через все стихотворения проходит мотив дороги и путешествия. Дорога в данном цикле – это поиск исторических путей предков чувашского народа, налаживание дружеских контактов с родственным народом. Влияние восточной литературы в цикле проявляется на уровне содержания, тематики, лексики.

В. Ахун в произведениях нередко использует имена персонажей из произведений восточной классики. В стихотворении «Эп – вёри Меджнун» («Я – пылкий Меджнун») имя Меджнуна позволяет ему передать глубину чувств лирического героя. Также поэт использует имена национальных богатырей, славных царей при описании исторического прошлого восточных, чувашского народов. Они углубляют временное пространство стихотворения.

Лирический герой В. Ахуна – чаще всего это человек, путешествующий в разных исторических периодах: то он кочевник из далекой древности, то гость великой Волжской Булгарии, или же старец, рассказывающий предания и легенды, или молодой человек, поглощенный интересом к истории народа.

Цикл «Ларатӑп та шур чул ҫине...» («Сижу я на белом камне...») посвящен изображению судьбы Волжской Булгарии. Здесь лирический герой наблюдает за историческими событиями с вершины сегодняшнего дня. Для более полной передачи трагедии последних дней Булгарского государства автор параллельно со страданиями людей показывает и переживание природы. Завоевание врага сделало несчастным не только население, но и окружающую местность. Образный параллелизм в изображении происходящего исходит из народного фольклора, более того, своими корнями он восходит к традициям поэтики древнетюркской словесности.

*Кунта кашни чул кӑшкӑрать,
Кунта кашни чул макӑрать,
Улать урса вутпа ҫӗмрен,
Хӗвел хуралнӑ йӗнӗрен [3, с. 71].*

*Здесь каждый камень восклицает,
Здесь каждый камень рыдает...
Воят бешено огонь и меч:
Солнце почернело от слез...
(здесь и далее подстрочный перевод
автора статьи. – И. С.).*

Повествование ведется от имени камыша, камня или же других деталей природы, что дает автору возможность передать всю полноту трагедии болгарского народа.

В некоторых стихотворениях цикла встречается образ базара. Базар можно оценивать как одну из деталей мусульманской культуры, также он показывает уровень развития булгарского государства. На булгарских базарах торговлю вели русский, араб, армянин, перс и другие купцы. Все народы жили в дружбе и согласии, пока не пришел страшный враг. Он стер с лица земли это благополучие и оставил только золу. Перечисление национальностей купцов и их товара в текстах строится по восходящей интонации. Она не ниспадает и после слов о нападении врага. Автор хочет этим подчеркнуть несгибаемость и мужество народа. В стихотворениях базар также символизирует горе, так как там торгуют не только предметами быта, но и людьми. В период татаро-монгольских завоеваний немало молодых девушек и парней с базарных площадей отправлялось в рабство в чужие страны.

*Шавлӑ, сумлӑ мӑн Ага-пасар,
Пирӗнӗшӗн эс пултӑн чӑн-масар [Там же, с. 73]...*

*Шумный и богатый Ага-базар,
Для нас ты стал мазаром...*

В стихотворениях цикла описывается борьба волжских народов против врага. Лирический герой наблюдает эту сцену с вершины сегодняшнего дня. Посещая развалины городов, он в воображении воссоздает рисунки прошлого, что помогает ему достоверно изобразить исторические события:

*...Ларатӑп эп шур чул ҫине
Ҫитеп вара ҫулпа пине...
Илтеп вара сасартӑк хӑш чухне
Уртан сехрелӗ сассине [Там же, с. 78]...*

*Когда сяду я на белый камень,
То вижу все на тысячу лет назад...
И слышится мне иногда
Тревожный голос Золотой орды.*

Следующий цикл стихотворений, посвященный истории чувашского народа, это – «Кашкӑр ҫӑлтӑр сулӑпе» [1] («По следам созвездия Волка»). Основу цикла составляют лирические произведения, написанные согласно традициям обрядовых жанров. Они изображают обычаи чувашского народа. В них также проявляются и отголоски восточной культуры, проникнувшие в чувашский фольклор в древние времена. Стихотворения в основном посвящены историческому периоду, когда далекие предки чувашей жили в Средней Азии. В V-VIII веках индоиранские и тюркские народы имели тесные контакты, происходил культурный обмен. Отголоски этого диалога у чувашей сохранились в языке, религии, обрядах животноводчества, устной словесности. По свидетельству В. П. Станьяла, «предками чувашей в это период были заимствованы обряды, связанные с крупным рогатым скотом, сами слова, обозначающие их, имена богов, оберегающих их, а также соответствующие жанры словесности, которые по содержанию и композиции близки текстам из «Авесты»» [9, с. 87]. Так, пантеон чувашских богов пополнился образом Пихампара. В современном фольклоре существуют легенды, которые рассказывают о том, как Пихампар превращается в белого волка, обходит людские поселения или же посылает своих белых волков на помощь чувашам для берега скота. Древние тюрки почитали волка как тотема. Историк Л. Н. Гумилев приводит следующую легенду о происхождении тюркского народа: «...после схватки тюркского войска с врагом уцелел один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили. А волчица убежала на Алтай и там родила десять сыновей» [4, с. 23].

В чувашском фольклоре из-за истечения большего промежутка времени сюжет этой легенды не сохранился, но почитание волка осталось. Образ волка Пихампара из индоиранской культуры проникает в чувашскую словесность, так как он близок по значению с древнетюркским волком-тотемом. В. Ахун, согласно фольклорным традициям, волка-тотема называет словом *тукмак*. Лирический герой проводит в честь него жертвоприношения, читает молитвы:

*Кёрсем-сёрсем синкеррён иртрёс,
Шап-шурă юр чечеклĕн ўкрё
Тукмакăм сан куну та ситрĕ...
Тавах сана Аша Тукмакăм:
Карта пайти ятна пиллетĕп,
Сён камартан юсман чуќлетĕп [2, с. 19].*

*Прошли хмурые осенние дни,
Упал снежок цветами на землю.
Тукмак, и вот настал твой день.
Благодарю тебя, Аша Тукмак,
В честь тебя поминальная каша
И юсман из нового урожая.*

В своем обращении лирический герой волка называет и собакой Пихампара. В народном понимании образы волка и собаки Пихампара идентичны. Лирический герой обращается к Пихампару во время молитв, жертвоприношений и проклятий. Так, например, начинает свою молитву предводитель гуннов перед началом очередного переселения:

*Пирĕн чĕрĕ мула упракан Аша Пихампар,
Тата санăн уманта итлесе тăракан йыттусем!
Эпĕ кĕсĕр таса сесенĕн тупине тăрса,
Пуç çапса санран пиллĕх ыйтатăп [3, с. 59]... /
Аша Пихампар, хранящий наше живое богатство,
И собаки, стоящие перед тобой!
Сегодня я в этой чистой степи
Преклоняюсь перед тобой, прошу благословения...*

Лирический герой, проклиная своего наизлейшего врага, просит Пихампара помочь ему в отмщении:

*Паян сана тархасласа, Аша йытти,
Хăватна нама ыйтса, Аша йытти,
Таса кăвар çине тăвар сапса,
Çав хураха ылханса,
Шăнăр тымар хуратăп [1, с. 60].*

*Сегодня тебя молю, Собака Аша,
Прошу у тебя силы, Собака Аша,
Бросая соль на чистый огонь,
Проклиная этого врага,
Кладу коренную кость.*

Образ волка присутствует не только в мифологии индоиранских народов, но и у других народов востока. К примеру, у монголов и калмыков образ волка-собаки олицетворяет верховного бога. В фольклоре этих народов рождение Чингис-хана обожествляется. Существует легенда о его зачатии от красной собаки. Тюрки-кочевники образ Волка-тотема привносят и в фольклор европейских народов: в Италии о божественном рождении Атиллы рассказывает следующая легенда: «Венгерский король, задумавший выдать свою дочь за наследника византийского престола, до времени заключил ее в башню. Чтобы уберечь ее от опасностей, грозивших ее красоте. Случилось то, что он не ожидал: царевна забеременела от собаки, которая была с нею в башне, и родила» [6, с. 26]. В европейском фольклоре семантическое значение образа волка-собаки не меняется, он и для них остается образом волка-тотема.

Поэтика стихотворений, написанных в жанре молитвы, слово-благословения, проклятия, причитания, близка к образцам фольклора. В них так же упоминаются семь названий скота, просьба о благополучии всего народа. А то, что автор не упоминает названий семи злаковых культур, связано с тем, что он описывает исторический период, когда у чувашей земледелие еще не занимало основу жизнедеятельности.

В стихотворениях чаще всего рифмовкой строк служат построчный, словесный и звуковые повторы:

*Аша Пихампар,
Сан таса йытту пире
çул кăтартса,
Пирĕн умра сұталса пытăр
Пире ан аташартăр,
Сан ятуна кĕл тăватпăр,
Сан ятуна пуç çапатпăр [1, с. 59].*

*Аша Пихампар,
Пусть твоя священная собака
укажет нам путь,
Осветит нам дорогу
Да не даст сбиться нам с пути.
Тебе молимся,
Тебе поклоняемся...*

Чувашские молитвы о благополучии скота во многом сходны с индоиранскими образцами. Частое упоминание в тексте стихотворения имени Пихампара и образа волка также связано с индоиранскими традициями.

Поиски В. Ахуна поэта и фольклориста исторических корней народа, исследование судьбы тюркских племен вызвано тем, что он чувствует себя наследником народа, вышедшего из Средней Азии. Следующие строки объясняют его творческий порыв:

*Чунӑмпа та, юнӑмпа та эӗ – Азирен,
Тӗп тымарӑм манӑн хунанӑ аслӑ тӗрӗкрен [2, с. 69]. /
И душой, и кровью я из Азии,
Корни мои идут от великих тюрков.*

Они соответствуют строкам П. Хузангая «Чӑвашем-и, е тутар, туркмен-и, // пурте Ази тӑвӗсен сынни» [11, с. 146]. / «И чуваш, и татар, и туркмен // Прародиной считают азиатские горы».

Таким образом, мы проанализировали некоторые поэтические циклы В. Ахуна, в которых проявляется использование традиций мусульманской литературы и индоиранской словесности. Нам удалось установить, что отголоски культуры, мотивы, образы и сюжеты словесности востока в поэзию В. Ахуна проникают через устное народное творчество, перевод образцов восточной литературы и фольклора, посещение соответствующих стран, изучение наследия восточных классиков. Воспроизведение традиций восточной литературы проявляется на уровне содержания, темы, мотивов, лексики, а также жанра лирического произведения. В стихотворении о любви поэт использует образ Меджнуна, сочиняет произведения, близкие таким жанрам фольклора, как молитва, слово-благословение, проклятие, причитание, в которых есть образы Пихампара, волка-тотема, базара, лексические обороты, напоминающие традиции индо-иранской словесности. Поэт в стихотворениях изображает Среднюю Азию, историю Волжской Булгарии, пытается восстановить родословную народа. Особенности изображения действительности, передачи художественного замысла в лирике поэта близки традициям художественной словесности восточных народов, а также древнетюркской литературы.

Список источников

1. Ахун В. Кашкӑр ҫалтӑр ҫулӗпе // Ялав. 1997. № 8. С. 59-64.
2. Ахун В. Ҫула тухатӑп эп ирех: сӑвӑсем, поэма. Шупашкар: Чӑваш. кӗн. изд-ви, 1986. 127 с.
3. Ахун В. Урхамахӑм ҫенет инҫете: сӑвӑсем, поэма. Шупашкар: Чӑваш. кӗн. изд-ви, 1982. 72 с.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
5. Никифорова В. В. Поэзия // История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2-х ч. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2017. Ч. 2. 1956-2000 годы. С. 363-389.
6. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. 893 с.
7. Софронова И. В. Мотивация распространения восточных традиций в чувашской литературе // Мировая тюркология и Казанский университет: материалы Международной научно-практической конференции (г. Казань, 26-28 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 362-366.
8. Софронова И. В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2008. 164 с.
9. Станьял В. П. Чувашский рассказ: монография. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1990. 127 с.
10. Хузангай А. П. Поиск слова. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1987. 191 с.
11. Хузангай П. П. Собрание сочинений: стихотворения, циклы: в 6-ти т. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1997. Т. 1. 544 с.
12. Чекушкина Е. П. Общетюркские традиции в чувашской словесности: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2013. 144 с.

EASTERN TRADITIONS IN V. AKHUN'S LYRICS

Sofronova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary
muxtar2@yandex.ru

The article analyses the influence of the Eastern and Chuvash literary traditions on V. Akhun's creative work. The research material includes his lyrical and lyro-epical works. Many poems creatively reproduce genres and motives of the Chuvash folklore. It is shown that the poet uses first-person narration, his lyrical hero applies to the ancient Chuvash gods, retells the events of national history in the present. The poems are filled with mythological images: wolf-totem, gods Pikhampar, Ashapatman, etc. Traditions of the Eastern literature in V. Akhun's creative work manifest themselves through the use of genres, images and motives of the Chuvash folklore, which are actually all-Turkic.

Key words and phrases: synthesis; narration; image; rite; folklore; lyro-epics; V. Akhun; praying; influence; lyrics.